

ПРЕМИЯ
РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Ю_ШУТОВА

Я

ИДУ ИСКАТЬ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ю96

Ю_ШУТОВА.

Ю96 Я иду искать / Ю_ШУТОВА. — Москва : Эксмо, 2023. — 160 с. — (Премия Русский Детектив).

ISBN 978-5-04-175291-0

Дело о серийном убийце, которого называют Ганнибалом, становится для майора Полякова настоящей головной болью. За год маньяк успел жестоко расправиться с пятью женщинами, и у полиции нет ни малейшей зацепки. Известно только, что убиты женщины были одним и тем же способом — как будто кто-то разордал их тела когтями.

Елена, свекровь одной из погибших, догадывается, кто убил ее невестку и других женщин. Но эта догадка настолько невероятна, что убедить Полякова и предъявить доказательства очень непросто. А ведь надо спешить, иначе совершенно точно будут новые жертвы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ю_ШУТОВА, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-175291-0

ПОЛЯКОВ

Пятая жертва

Перебираю бумаги, читаю. Протокол осмотра трупа. «Осмотр начат...», «осмотр закончен...», дата, время, следовательно, «в присутствии понятых...», «при участии судебно-медицинского эксперта...». Один протокол, второй, третий, четвертый. Бумаги шуршат в моих пальцах, неразборчиво перешептываются, переспрашивают друг друга.

Протоколы вскрытия, тоже четыре штуки.

В кабинете темно, только настольная лампа высвечивает белые листы в моих руках. Стекло окна — черное зеркало, в котором я отражаюсь. Сгорбившаяся фигура, воплощение непонимания. Форточка открыта. Дует. Подмерзаю слегка. Шерсть на загровке дыбом. Встать, закрыть. Неохота. Курю. Стряхиваю пепел в банку из-под шпрот. Погружаюсь во мрак. В холодную темноту чужого безумия.

Среди дел, доставшихся мне на новом месте от ушедшего на пенсию майора Горшкова, это самое глухое, самое страшное. «Дело Ганнибала», как его у нас в следственном отделе окрестили. Четыре похожих убийства в течение года. Четыре женских трупа, растерзанных, изрезанных и искусанных, брошенных в каких-то запущенных заросших местах. Я еще плохо знаю город, только пара месяцев, как приехал сюда, как начал работать. Смотрел в «Гугле», где это все. Разные концы города. Разные женщины. Незнакомые друг с другом, не имеющие ни общих знакомых, ни... да вообще ничего общего между ними нет.

Первая жертва — незамужняя молодая женщина, тридцать пять лет, убита во Власьевой роще, правый берег реки, с одной стороны — гребная база, с другой — городской водозабор, не самое проходное место, но и не пустыня, здесь люди ходят. Она на этом водозаборе и работала. Лаборантка. Февраль прошлого года.

Вторая, пятидесятипятилетняя вдова — на другом берегу возле лодочной станции, жила там недалеко. Май.

Третья, почти девочка, всего семнадцать лет, школьница — возле шоссе, ведущего к известному монастырю. Отстала от экскурсии. Сентябрь.

Четвертая, шестидесятилетняя бывшая балерина, старуха уже, встретила смерть тоже на берегу реки, только в противоположном конце города. Пошла в магазин и зачем-то вышла на бережок.

Я ИДУ ИСКАТЬ

Ноябрь. Прямо перед моим появлением в этом городе.

Характер ранений у всех одинаковый: изрезаны короткими лезвиями, множественные неглубокие, но болезненные порезы и, что самое интересное, укусы. Следов сексуального насилия нет.

Первой жертве убийца отрубил голову. Чем? Остальных забил, размозжил черепа, как написано в протоколах, тупым предметом. Орудие убийства на месте преступления не обнаружено. Унес с собой? Отпечатков пальцев нет, зато есть образцы ДНК. Только в базе ДНК-профилей они не зарегистрированы.

Передавая мне дело, Горшков не пытался скрыть радость от того, что избавился от него. Так и сказал:

— Ну все, Алексей Федорович, это теперь твое. А я постараюсь поскорее забыть весь этот кошмар. Поеду на дачу, наберу с собой фантастических романов, про попаданцев, например. А еще лучше про эльфов, драконов, оборотней и этих, как их... темных дев. Затоплю печь, откупорю шампанского бутылку и буду читать.

Что я ему мог ответить? Сказал:

— Счастливого пути.

А он мне с ухмылкой:

— Счастливо оставаться.

Остаться с делом о серийном убийце.

Делов-то на копейку, вычислить и поймать Ганнибала, а уж за обвинением дело не станет. Вычислить и поймать...

Ю_ШУТОВА

* * *

Семь утра. Дождя вроде нет. Тоже мне зима. Февраль через неделю, на улице плюс пять, а снега ни грамма. Снег — это вообще фейк, его не существует.

Бегать собрался, уже кроссовки надел — звонок. Еще один труп... Адрес? Ясно... Отбегал я на сегодня. И еще кто-то отбегал навсегда. Пешком дойду, два квартала от моего дома.

Пересек двор. Вон наша машина стоит, ребята возле нее курят. Неподалеку стол деревянный с лавками, раньше за такими мужики козла забивали. Давно уж ни тех мужиков, ни манеры во дворе в домино играть нет, а столы эти по-прежнему ставят. Сила традиции. На лавке мужик сидит лет пятидесяти, сразу видно, опоек — рожа опухшая, помятая, свежий бланш на скуле. Мужик качается, обхватив башку руками, и воет. Утробно, хрипло, безнадежно. Рядом баба крутится, тоже, наверное, синюха, как и мужик, в трениках и тапках. Она его все обнять пытается, бормочет ему что-то, успокаивает, а он ее руки отталкивает и все воет и воет.

Я поздоровался с ребятами, спросил, кто это, мол, развылся тут, а Костя Семенов мне: «Это муж трупа». Остряк недорезанный.

— Ты, Семенов, свои шутки гоблинские брось, еще бы «ушиб всей бабушки» вспомнил.

— Да уж, Федорыч, там действительно ушиб всей... Сходи посмотри, эксперт уже за-

Я ИДУ ИСКАТЬ

кончил. Это муж ее нашел, вот и воет. Я показания его записал. Там, правда, и писать-то особо нечего было, пришел-вошел-нашел. Только это... я не грязный гоблин, я гордый орк, запомни уже.

Пошел смотреть... Тело лежало в дворницкой. Хотя какие теперь дворницкие... Какие дворники, такие и дворницкие. Небольшой закуток без окна, метров шесть квадратных, железная дверь прямо из подворотни. Лопаты, метла, ведро с песком, пачки соли, чтобы лед посыпать. Еще барахло, не распознаваемое в тусклом, пыльном, каком-то больном свете. Лампочка гнойно-желтой каплей свисает с кривого черного провода, торчащего из низкого потолка. Продавленное кресло под вытертым драным покрывалом. Большая плоская перевернутая банка из-под селедки, давно таких не видал, а вокруг — россыпь старых вонючих хапцов.

И мертвая тетка. Тоже явно алкоголичка, на вид — к полтиннику. Толстая, морда опухшая, на ногах носки вязаные, шлепанцы резиновые свалились, спортивки «Адидас» с китайской барахолки, растерзанная безразмерная флиски несурозно-розового цвета. И все в кровище. На полу из-под тела огромное пятно натекло, лампочка отражается в черной луже, будто всплывает рубин, змеятся золотые сполохи по граням. Повсюду бурые пятна — на разорванных в клочья тряпках, на теле, торчащем наружу из прорех, на ее лице, на стенах, на лопате.

Я взял за черенок, за самый верхний его кончик, лопату, прислоненную к стене возле головы трупа. Обычная штыковая лопата, такой в огороде копают, канавы роют, что еще... червей для рыбалки можно. Эта лопата — и черенок, и сам штык — вся была в крови.

— Он ей голову лопатой отсек. Почти отсек, на каждом лоскуте держится. Еще живую ударил, поэтому крови столько вытекло.

Криминалист — я все не мог запомнить его фамилию, Ширяев, что ли, — поднялся из темного угла серым призраком. Я и не заметил его в пыльном мраке.

— И еще. — Он подошел ко мне. — Посмотрите на раны на ее лице и руках. Не на эти, не на резанные, с ними все просто. Какой-нибудь короткий нож, острый, что-то типа скальпеля. Даже нескольких скальпелей — по ходу, он по-македонски с двух рук ее резал. Посмотрите на раны вон те. Видите?

Он присел возле тела и ткнул пятерней в синей латексной перчатке прямо в лицо покойнице. Я наклонился. Это явно были следы зубов.

— Укусы? Собаку натравили?

— Нет, Алексей Федорович. — Вот он-то меня запомнил, даже имя-отчество, а я его нет, стыдоба. — Нет, не собаку. Я по форме укуса вам сразу скажу, это человек. Это он сам, убивец наш, ее покусал. Понимаете, к чему я?

Понимаю. Ганнибал, маньяк Горшкова, от которого он, можно сказать, скоропостижно сбе-

Я ИДУ ИСКАТЬ

жал на пенсию. Тот, на котором висели четыре трупа, четыре дела, объединенные в одно. Теперь пять.

Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать. Кто не спрятался — я не виноват.

Выхожу во двор. Подъехала труповозка. Санитары шли мне навстречу, тащили свои скорбные причиндалы — носилки и упаковочный пакет на молнии. Пришлось посторониться, ступив в лужу.

Подошел к своим. Ширяев, или как его там, попрощался, пожал руки Семенову и мне.

— Протокол осмотра у вас, Алексей? Все остальное завтра, завтра... Я поехал.

И сел в кабину труповозки.

— Ну что, Семенов, муж — первый подозреваемый?

— Не думаю. Ты протокол-то почитай. Там вокруг все затоптано, прямо по пятнам крови. Следы кроссовок сорок второго размера, а у этого... — Он махнул рукой в сторону мужика. — У этого сорок пятый, я проверил.

Сам знаю, что не этот спившийся бедолага уконтрапупил свою бабу. Если б он, значит, и остальные на нем, а на Ганнибала опоек не тянул. Куда ему. Но так или иначе, а поговорить с ним придется. Пошлепал по грязной размазне в сторону стола с лавками. Мужик уже не выл, а тихо скулил побитой собакой. Тетка сидела рядом с ним, обняв, прижимала его голову к своей груди.

Не успел подойти. Санитары вынесли тело во двор, потащили к труповозке. Мужик вскочил, с воплем кинулся к ним, тетка бросилась следом. Ребята остановили его, а он рыдал в голос и все рвался туда, к черному пластиковому мешку, который грузили в машину. Я остановил бегущую женщину. С этим не поговоришь, так хоть с ней. Представился. Глянул в протокол, составленный Семеновым, кем она приходится мужику — Яковлеву Сергею Николаевичу.

— Я его мать, — говорит.

Надо же, мать. А мне казалось, они ровесники. Еще раз глянул в протокол на год рождения этого Яковлева. Ему, значит, тридцать пять всего. А тянет на полтинник. Я пошелестел листами. Вот: Феоктистова Елена Васильевна, действительно мать, пятьдесят с хвостиком, адрес, образование высшее, место работы — прочерк.

Лучше всего разговаривать со свидетелями сразу, на месте, пока у них в мозгу держится свежее восприятие события, пока не наложились поверх картинки ложные воспоминания, собственные домыслы, чужие идеи. А то иной раз такого навспоминают. Начнешь анализировать, а это вообще из кино типа «Бригады».

— Елена Васильевна, я могу с вами поговорить?

— Нет, конечно, вы же видите — не до вас. Мы сами к вам придем завтра или послезавтра. Скажите, куда прийти.

Я ИДУ ИСКАТЬ

Отмахнулась, даже не глядя на меня, вся обращена туда, где бьется в руках Семенова ее обезумевший сынок. Я ей визитку сунул, и она, кивнув, убежала к своему чаду. Шлепала тряпичными тапками по слякоти, не глядя под ноги, разбрызгивая ошметки грязи — спешила успокаивать, держать, спасать.

ЭЛЛА

В первый раз

Час ночи на дворе, а эта стерва орет, разорается на весь двор. Из подъезда вывалилась, жаба жирная, и давай хрипеть-сипеть, и все матом. Сверху из форточки ей:

— Уймись, шалава!

Так она еще громче давай. Мерзкая тварь, злая, красным фонит, под красным — желтая подложка страсти. Сука похотливая, лает, потому что потрахать не удалось. Ненавижу...

Тут окно на первом этаже открылось, мужик оттуда выставился, рожа пропитая. Я далеко стою, на тропинке за кустами, а и отсюда вижу — алкаш. Он тоже вопить принялся:

— Элка, дура, бля, куда поперлась?! Домой давай иди, стервозина!

И тоже мат через слово. Вернее, слово через пару матов. Во парочка — баран да ярочка. Нажраться, водкой залиться, подраться, потрахать. Скоты.

Я ИДУ ИСКАТЬ

Эта Элка ему в ответ от локтя отмахнула:

— Во тебе, домой!

Меня ненавистью, как кипятком из душа, с головы до ног ошпарило. Чувствую, в глазах розовый туман поплыл, адреналин в кровь ударил пушечным залпом, в затылке молоток застучал — перекидываюсь! Куда? Когда? До полнолуния больше недели еще! Сейчас вообще луны нет, безлуние абсолютное, небо как черноезем! Так не бывает!

Бывает, оказывается...

Когти вытягиваются, зубы. Шерсть на загривке вздыбилась. Запахи в нос хлынули. Мокрый сизый запах бесстыдной неприкрытой земли под лапами. Серый, смешанный, перевитый — подвальной холодной гнили и теплой кухонной сыти от домов, кислый лимонный дух похоти от этой бабы, стоящей в двух прыжках от меня.

Она пошкандыбала вдоль дома прочь от своего подъезда, мужик поорал ей вслед немного, потом крикнул:

— Ну и пошла на х..., прошмандовка, домой не пушу! — и окно захлопнул.

Бежать за ней, догнать, броситься, загрызть...

Она в подворотню свернула. Там дверь. Вытащила ключ из кармана, отпирает. Я уже рядом совсем, ноздри забиты ее кислой вонью так, что пришлось глотать воздух через пасть, иначе задохнусь. Она не чует меня — я сзади, в темноте.

Скрипнув, отъехала железная створка. Прыгаю ей на спину, вталкиваю в узкую захламлен-